

Стенограмма
Круглого стола «Реформирование экономики в период социально-экономического кризиса: опыт Перестройки и современность»

14 мая 2015 года

В.С. Кржевов. Дискуссия была, на мой взгляд, очень интересной. Однако вопросы, которые обсуждались, так и остались вопросами. У меня, например, созрело такое пессимистическое впечатление, что наше состояние конца 80-х – начала 90-х годов было состояние цугцванга: никакой ход не мог дать позитивного результата. И это должно было кончиться разрушением структуры. Почему я так думаю? Я не экономист, у меня соображения более общего порядка. Но, на мой взгляд, суть дела в том, что вопрос о переходе от командно-административной системы управления, каковой была система Советского Союза, к механизмам рыночной саморегуляции – это вопрос, который, в общем и целом, предполагает не только общие характеристики, но и, как было справедливо сказано в выступлении Александра Аузана, какие-то конкретные вещи и условия.

В его выступлении очень хорошо было показано, что Китай – это наше прошлое. Поэтому, собственно, и цугцванг. Поскольку этот – тогда, видимо, всё же возможный – этап мы прошли. А в наших теперешних обстоятельствах меня главным образом смущает вот что. Из доклада Рудольфа Пихоя следует, что приватизация – пусть она началась раньше, чем мы думаем, пусть она совершалась ещё до того, как стала замеченной, но во всех случаях это была приватизация по преимуществу номенклатурная. Её проводила для себя партгосноменклатура и директора крупных предприятий, которые тоже номенклатура, только другая ее разновидность.

Мне представляется, что в этом-то и был корень всех бед. Потому что *такая* приватизация механизмов рыночной саморегуляции не запускает. Почему я так думаю? Потому что в данном случае присвоение объектов собственности используется просто для личного обогащения. Поскольку появились реальные деньги, открылись возможности оперирования

денежными потоками. А рассматривать эти денежные потоки как инвестиции, да еще с долгосрочной перспективой люди, которые получили доступ к объектам госсобственности, не могли и не хотели.

Я опять-таки могу ошибаться, и экономисты могут меня очень существенно поправить, но мне представляется, что мы вообще живы до сих пор только потому, что есть сырьевая рента. В своё время она, так сказать, «питала» Советский Союз, и именно ее сокращение, истощение, привели его к краху. Вот и сейчас мы будем жить только до тех пор, пока будет сохраняться возможность аккумулировать ренту, чтобы потом её перераспределять – в сильно непропорциональных долях. Большую часть будет забирать себе новое издание номенклатуры, которая контролирует рычаги перераспределения, меньшая обеспечит удовлетворение минимальных нужд тех, кого некогда именовали «населением».

Это очень печальный вывод. Но лучше, как говорится, горькая правда, чем самообман и самовнушение.

Ещё мне бы хотелось вернуться к очень интересной мысли Александра Аузана о вхождении в рынок, в рыночную систему при помощи культуры. Звучит очень соблазнительно. Но, на мой взгляд, это тоже, увы, утопия. В частности, потому, что тот массив информации, который в годы перестройки и затем в первые годы после распада СССР стал доступен – это массив был поглощен, усвоен. Это должно было дать определённый результат, и, в общем-то, мы его и получили. Образно говоря, этот результат суммируется знаменитой фразой: «Так жить нельзя». Это да. Это поняли.

А вот как жить дальше и что для этого надо делать – из этого массива информации никак не следовало. Ее оказалось недостаточно, потому что мы говорим не только о культуре образованного, рафинированного слоя. Мы говорим о массовой культуре. А массовая культура – это опыт, прежде всего, опыт повседневной жизни. А как вы можете преобразовать культуру, если у вас нет этого опыта? Это ведь не происходит только в изолированных головах, это совершается главным образом на практике. Нужно

формирование – или, точнее, преобразование того, что Пьер Бурдьё определял как «хабитусы». А хабитусы не формируются под влиянием лекций и чтения книжек. Они формируются в опыте.

Так вот что я, собственно, хотел еще заметить по этому поводу. «Вхождение в рынок через политику» не работает. «Вхождение через экономику» не работает. А почему, собственно, нужно говорить: «или-или»? Почему нельзя говорить о том, что нужны параллельные процессы, точнее нужно взаимодействие, согласование усилий – в политике, в экономике, в культуре.

На мой взгляд (опять-таки, может быть, я и ошибаюсь) очень существенным недостатком всех прошлых преобразований было то, что тогда проигнорировали институты, прежде всего институты права. Судебная система, законодательство – наши верхи, понимая всю их важность, подчинили и суды, и парламент, сделали их зависимыми и управляемыми и абсолютно обнулили эту важнейшую составляющую. Парламент вообще превратили в собрание марионеток, которые, собственно, только штампуют решения администрации. А она озабочена прежде всего самосохранением – то есть сохранением контроля за перераспределением ренты.

Стало быть, мы останемся в тупике до тех пор, пока необходимые институциональные преобразования – и прежде всего – независимость судебной системы – не будут обеспечены, реализованы. Это же хорошо известные вещи – нет права, не работает закон – не сработает приватизация и, соответственно, не будет работать рынок. Потому что нет механизмов, нет институтов для создания критической массы самодеятельных граждан, для поддержки и обеспечения их повседневных усилий.

Такая вот пессимистическая картина. Спасибо.